

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

- Осколки великой мечты
- Быстрая и шустрая
- Даже ведьмы умеют плакать
- Кот недовинченный
- Красивые, дерзкие, злые
- Боулинг-79
- Пальмы, солнце, алый снег
- Наш маленький Грааль
- Внебрачная дочь продюсера
- Ревность волхвов
- Ideal жертвы
- Золотая дева
- Я тебя никогда не забуду
- У судьбы другое имя
- Та самая Татьяна
- Мадонна без младенца
- Семейное проклятие
- Изгнание в рай
- Над пропастью жизнь ярче
- Главная партия для третьей скрипки
- Мертвые не лгут
- Девушка не нашего круга
- Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

- Отпуск на тот свет
- Все девушки любят бриллианты
- Проигравший получает все
- Второй раз не воскреснешь
- Предмет вождения №1
- Оскар за убийную роль
- Дата собственной смерти
- Парфюмер звонит первым
- SPA-чистилище
- Вояж с морским дьяволом
- Биография smerti
- Девушка без Бонда
- Три последних дня
- Незримая связь
- Джульетта стреляет первой
- Жемчужные тени
- Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

- Эксклюзивный грех
- Рецепт идеальной мечты
- Коллекция страхов прет-а-порте
- Ледяное сердце не болит
- Одноклассники smerti
- В Питер вернутся не все
- Через время, через океан
- Небесный остров

Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает дважды

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпускают дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности
Удаленная любовь

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Семейное
проклятие

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Семейное проклятие : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215160-6

Аля долго привыкала к новой жизни. Ей пришлось скрыться из Москвы, сменив скромное место учительницы на должность директора частного детского сада, и у нее получается вести свой бизнес! В личной жизни тоже приятные перемены — внимания Али добиваются сразу трое мужчин: врач Николай Алексеевич, блестящий теннисист Кирилл, ее бывший муж Вася... Но она рано радовалась: в ее садике начало происходить одно ЧП за другим. Что это — черная полоса совпадений или злая воля тайного врага?.. Хотя Аля вернула все потраченные на дорогостоящую процедуру деньги, Вера не собиралась прощать бывшую подругу. Ведь да сначала согласилась стать суррогатной матерью для ее ребенка, а потом наотрез отказалась отдать его родной матери! Вера терпеливо ждала своего часа, зная — рано или поздно она отберет у Али свою дочь. Чего бы ей это ни стоило!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215160-6

Аллу Сергеевну из роддома никто не встречал.

Она шла с розовым свертком в руках и старалась улыбаться. Пока пробиралась сквозь толпу свежеиспеченных пап, дедушек, бабушек, теть, пока одиноко брела к стоянке такси, машинально отметила: прямо у входа в роддом припаркована новенькая иномарка. Перевязана яркой лентой, бантик венчает огромная открытка: «Спасибо за дочь, любимая!»

А вот Але — автомобилей в честь рождения дочери не дарили. И вообще ее ребенку никто не рад. Только она сама любила крошечный — всего два с половиной кило! — сверточек так, что дух захватывало. И, хотя слезы застилали ей глаза, Алла Сергеевна упрямо бормотала про себя: «Ничего, малышка! Мы с тобой обязательно прорвемся!..»

Идти ей было тяжело. На плече — огромная сумища с вещами, на руках — младенец. А дальше будет еще круче. Надо забрать старшую дочь и оставшиеся пожитки, добраться с двумя детьми на руках до Калядина — за пятьсот километров от Москвы. И некому, совсем некому ей помочь.

Спасибо подруге Мухе, что она хотя бы Настеньку приютила на время, пока Аля была в роддоме.

Впрочем, Муха — удивительное создание. Хотя сама совсем недавно родила — да еще сразу троих, — сумела хотя бы дома организовать Алле Сергеевне торжественную встречу. Праздничный торт испекла. И огромная связка надувных шариков была — на каждом надпись: «С новорожденной!» Роскошную люльку-переноску купила: «Чтобы малышка до Калядина со всем комфортом добралась». И все извинялась, что к роддому не смогла подъехать.

— Но к поезду я вас обязательно отвезу. Мужа уже обязала: он с детьми посидит.

Вот молодчина!

Порхает от младенца к младенцу (кому соску дать, кому нос вытереть), между делом успевает накрывать на стол, разливать шампанское. («Нам с тобой, кормящим, по пять капель даже полезно!») Болтает без умолку:

— Главное для нас, молодых мамашек, заранее не паниковать. Я, например, ужасно переживала: как ходить по магазинам с тремя ляльками на руках? Но быстро приоровилась — все теперь заказываю по Интернету, очень удобно!

И когда в дверь позвонили, попросила подругу:

— Открой, пожалуйста. Это, наверно, подгузники привезли. Я и на твою долю тоже заказала.

Аля поспешила в коридор. Действительно, курьер. Однако в руках не памперсы — всего-то длинный белый конверт. И адресован не хозяйке квартиры, не Мухе — но Алле Сергеевне Кузовлевой.

Она с опаской взяла письмо. Кто-то ее поздравляет? Но кто? Да и выглядит конвертик совсем не празднично.

Впрочем, чего гадать? Аля вскрыла письмо, и в руки ей упал отпечатанный на принтере текст: «РЕБЕНКА Я ВСЕ РАВНО У ТЕБЯ ОТБЕРУ».

* * *

Кириллу Бодрых опять пришлось срочно улетать. В этот раз на турнир в Лугано. Хотя «пришлось» — неправильное слово, конечно. *Повезло, выпало счастье!* Молодой человек до сих пор иногда в день вылета за границу просыпался, и паника охватывала: вдруг его новая жизнь — всего лишь сон? И как же радостно было, когда приходил в себя и понимал: все правда. Вот дорожная сумка, на тумбочке паспорт с открытой шенгенской визой. А ведь каких-то полгода назад он и помыслить не мог, что станет играть за границей. Сейчас же взлетел в рейтинге настолько, что уже и выбирать мог: отправиться ли ему в Швейцарию пробиваться через квалификацию на турнире второй категории, или лучше в Милан на соревнования попроще, зато сразу в основную сетку.

Кирилл пока не дорос до статуса «надежды российского спорта», и журналисты им особенно не интересовались. Тренер, дядя Митя, усмехался:

— И слава богу, что не лезут. Сколько бывало случаев: темная лошадка выиграла турнир. Ажиотаж, автографы, интервью. А дальше все от него *ждут* новых побед. Он боится не оправдать надежд. И готово дело, перегорает. Лучше уж как у тебя. По-

тихоньку, полегоньку. Турниры четвертой категории освоил, теперь старайся в тех, что рангом выше, хотя б до четвертьфинала доходить.

И Кирилл прилагал все силы. Тренировался гораздо больше, чем с прежним тренером, практически на износ. Но — удивительно! — хотя уставал ужасно, получал от тенниса куда больше удовольствия, чем раньше. И ни капельки не надоедала ему игра. Мог после изнурительного дня на корте вернуться домой, поваляться полчаса перед телевизором, а потом вдруг руки сами тянулись к ракетке. Повторишь на сон грядущий раз сто имитацию крученого справа — и на завтра сам чувствуешь: пошел прорыв!

...Он по-прежнему много думал об Алле Сергеевне. Алле, Аллочке. Но навязчивая идея, одолевшая его с десятого класса — как учительницу завоевать, сделать своей, — несколько померкла. Слишком много и без того битв. Настоящих — на грунте, на траве, на харде¹. К тому же бабушка уверяла: Аллу сейчас завоевывать вообще бесполезно. Она же только что родила. И теперь — как минимум месяца три — будет приходить в себя. А потом — не меньше чем на год! — полностью сосредоточится на ребенке.

Что ж, придется ему смириться. Пусть любимая учительница пока отдыхает. А про любовь — они еще успеют поговорить. Потом.

Кирилл был бы счастлив обеспечить Алле Сергеевне комфортное, уютное, бездельное бытие.

¹ Хард — теннисный корт с жестким покрытием.

Благо деньги — тоже в последние полгода! — в руки сами текли. По меркам спортсменов «большой сотни» зарабатывал он на турнирах гроши. Но для него и тридцать штук долларов в месяц — самое настоящее богатство. Да, приходилось платить дяде Мите, тренеру по физподготовке, за аренду кортов, за гостиницы и билеты... Но все равно тысяч десять — чистыми! — оставалось. К тому же удалось заключить контракт с производителями ракеток. Денег те не платили. Зато на инвентарь — тоже серьезная статья расходов — теперь тратить-ся не надо.

— А будешь стараться, уже через год станешь миллионером, — предрекал дядя Митя. — Долларовым.

Просто дух захватывало у Кирилла от таких перспектив!

И разве можно ему — почти богачу! — допустить, чтоб любимая женщина, еще совсем слабая после беременности и родов, хлопотала с собственным бизнесом?

Но бабуля на пару с Аллой Сергеевной уперлись. Они — открывают малое предприятие. Да какое! Детский сад. Да еще в его родовом гнезде. Ничего себе перспективка!

Пусть Кирилл приезжал в Калядин нечасто, но всегда отдыхал там — будто у него полноценный отпуск. Бабушка откармливала вкусностями, ревностно берегла его сон. Аля — хоть и нет пока меж ними страсти — всегда, когда видела его, расцветала. Сколько переговорено было — у камина в гостиной, на тихой кухоньке, под крышей в зимнем саду. А теперь кругом будут дети болтаться, визг,

писк, не поспишь, перед теликом нормально не расслабишься.

Но, как ни пытался он бабулю отговорить, та стояла на своем: малому предприятию в их особняке — быть. Причем в самое ближайшее время.

— Пойми, — втолковывала она внуку, — это твоей любимой Аллочке в первую очередь и нужно. Чтоб она не чувствовала, что на нашей шее сидит, не корила бы себя.

— Да у нее ж учеников куча! Кто мешает, если ей обязательно собственные средства требуются, уроки давать? В охотку, по паре часов в день?

— Ты же сам знаешь, — вздыхала бабушка. — Але нужны деньги совсем другого порядка. Не успокоится она, пока Николаю Алексеевичу долг не отдаст. Не понимаешь, что ли?

— Можно подумать, вы на вашем садике сто семьдесят тысяч долларов заработаете! — усмехался Кирилл. — Да ни в жизнь! — И добавлял покровительственно: — Что вы обе понимаете в бизнесе?

— Ладно уж, не глупее многих, — парировала Виктория Арнольдовна.

— А для бизнеса как раз умными быть не надо! Дела идут у подлых, хитрых, кто умеет лавировать, приспособливаться, — авторитетно заявлял молодой человек. — Вас просто съедят! За месяц!

Но бабулю трудно смутить:

— Пусть попробуют. Да, подличать мы не умеем. Но я, слава богу, в Калядине сколько лет прожила и знакомых имею — сам знаешь, чрезвычайно полезных. Нас и мэрия поддержит, и полиция в обиду не даст.

И столько властности во взгляде, уверенности в своих силах! Будто ей не восемьдесят с хвостиком, а максимум лет тридцать.

В Алле Сергеевне — ради которой, как утверждала бабушка, бизнес и затевался — решимости было куда меньше. Любимая учительница призналась Кириллу, что никогда не любила, не хотела и не умела руководить. И вообще ужасно боится:

— Это ж детский сад, воспитанники — крохи совсем! Представляешь, какая ответственность! Вдруг с лестницы упадут, пожар устроят, да хотя бы просто лоб на горке разобьют?! Как я их родителям в глаза посмотрю, как оправдываться буду?

— Так и в лес его, ваш детский сад! — горячо убеждал Кирилл. — Зачем вам этот дурацкий бизнес?! Живите в свое удовольствие, растите девчонки! Я любую вашу забаву профинансирую. А чтоб не скучно было, можно, например... — он отчаянно искал все новые и новые аргументы, — пока оттачивать на Зоиньке какую-нибудь авторскую методику раннего развития. За годик доведешь ее до совершенства, сама отдохнешь, да и малышка подрастет, — и открывай хоть сад, хоть школу! Я, опять же, еще больше разбогатею, смогу вам и помещение купить, и все, что надо!

Но Аля ласково смотрела на него, восторгалась его идеями — однако твердо стояла на своем:

— Нет, Кирилл. Я переборю себя, справлюсь. Мы с Викторией Арнольдовной все уже решили.

...Молодой человек почти не помнил своего отца, но одна его фраза запала намертво: «Будь, Кирюша, снисходителен к девочкам».

И он отступился. Снисходительно молвил:

— Ладно. Играйтесь.

В конце концов, чем они рискуют? Помещение снимать не надо, покупать дорогостоящее оборудование — тоже. Поймут за пару месяцев, что дело хлопотное, а доходов особых не приносит, и оставят свою затею.

Но, как выяснилось, Виктория Арнольдовна дело планировала вести с размахом. Кириллу совершенно случайно попался на глаза бизнес-план, и он просто опешил: одних развивающих пособий дамы собирались закупить — на сто тысяч рублей. А еще мебель для игровых, ортопедические кровати, инвентарь для детской площадки и спортивного зала.

Кинулся к бабушке:

— Откуда вы на все это деньги возьмете?!

Виктория Арнольдовна невозмутимо пожала плечами:

— А кредиты на что? Сын Венечки, моего хорошего приятеля, — президент банка. Веня уже с ним поговорил, тот пообещал: не откажет.

...Однако Аля — на переговоры Виктория Арнольдовна отправила ее — вернулась из банка грустная.

— Неужели не дал? — нахмурила брови старуха.

— Дал, — вздохнула Аля. — Через неделю деньги на счету будут.

— А что тебя тогда беспокоит? — пронизательно взглянула на нее пожилая женщина.

Алла виновато пробормотала:

— Да ерунда, наверно... Этот банкир такое сказал, вроде как между делом... Только бы, говорит, Виктория Арнольдовна протянула все три года, на которые выдан кредит.

— Ну, когда речь идет о человеке моего возраста, опасения естественны, — усмехнулась старая дама. — Чего ты расстраиваешься?

Аля же опустила голову:

— Да я о другом. Меня — совладелицу бизнеса — этот банкир вообще всерьез не воспринял. Зато вас упоминал постоянно: «Придумала Виктория Арнольдовна неплохо. Все у нее должно получиться. Лишь бы здоровья хватило...»

Кирилл — он присутствовал при разговоре — бестактно ляпнул:

— Алла Сергеевна, но это же правда! Вы сами мне говорили, что боитесь руководить, не хотите ответственности.

Она обернулась к нему, глаза несчастные:

— Именно, Кирилл. Я вообще всего боюсь. Ни единого самостоятельного решения не принимаю. Просто плыву по течению, да и все. Ужасно стыдно.

— Ничего и не стыдно! — возмущенно выкрикнул он. — Главное, что подле вас есть люди, которые готовы — да просто счастливы! — опекать, оберегать, помогать!

— Кирилл! — предостерегающе сказала бабушка.

А у Али по щеке уже поползла слеза. Она прошептала:

— Но не могу же я всю жизнь сидеть у кого-то на шее.

Всхлипнула еще горше, закрыла лицо руками. Пробормотала:

— Простите.

Кинулась вон из комнаты.

Кирилл поднялся: бежать за нею. Но бабушка властно положила руку ему на плечо, велела:

— Не надо. Пусть поплачет. Одна.

— Но...

— Оставь ее в покое, — повторила Виктория Арнольдовна. Любовно взглянула на него, пригладила челку, нежно сказала: — Ты у меня уже мужчина. Сильный и мудрый. А девочка наша, Аля, только растет. Давай мы с тобой — взрослые люди! — дадим ей время повзрослеть.

* * *

Леся Бородулина никогда не ставила перед собой сверхзадач. Да, покорять Москву явилась. Но хамских планов — например, чтобы ездить на «Бентли» и поселиться в клубном доме на Остоженке — никогда не строила. Квартирку бы занять — хоть какую! Да и жить как все: по будням ездить в офис, вечера коротать перед телевизором. В субботу — с утра в мегамолл, потом в киношку. Изредка — рестораны, театры. Концерты — желательно позвезднее, чтобы потом за бизнес-ланчем молвить небрежно: «Да, Пол Маккартни постарел, прямо смотреть жалко».

Когда Лесе удалось — совершенно случайно! — затащить под венец самого настоящего *миллионера*, ощущения были, будто у высоченного обрыва стоишь. Красотища кругом, перспектива — аж дух захватывает, но и страшно почти до икоты. Всего один неверный шаг, даже просто неловкое движение — и все, уже летишь в пропасть.

«Ничего! — успокаивала она себя. — Не раскусит меня муженек».

Но только невозможно всю жизнь притворяться паинькой. И так почти два года мучиться пришлось — сначала завоевывала Игорька, потом полгода после свадьбы сидела тише воды, ниже травы.

Будь ее клетка реально *золотой* — набитой бриллиантами, дорогушей одеждой, поездками на Сейшелы, — может, и смирилась бы. Но Игорь то ли скуповат оказался, то ли просто деловой человек не считал нужным ее баловать: зачем, раз жена и так всем довольна?

Поселил ее в Подмоскowie, в скромном домишке. Вместо того чтоб нанять лимузин с шофером, заставил получить права и самой управлять машинкой-букашкой. В рестораны не водил («Ты, солнышко, у меня сама повар — никакому Мишлену не снилось!»). Когда Леся однажды заикнулась про ночной клуб, вздохнул: «Зайнька, мне ж, к сожалению, не тридцать лет! И даже уже не сорок...»

Кто выдержит такую жизнь?

Тем более что дальше перспективы вырисовывались еще мрачнее. Чтоб покрепче Игоря к себе привязать, Леся, конечно, организовала ребеночка. В плане женитьбы — помогло, в загс отвел почти сразу. Но их общее будущее свежеиспеченный муж расписывал такими красками, что Лесю в дрожь бросало: «Няню брать не будем — у тебя с малышом у самой все получится замечательно, я уверен... Ездить за границу пока не станем — я в этом смысле человек несовременный. Считаю, неправильно, когда совсем маленьких детей за собой повсюду таскают».

То есть: сиди, любимая, в дачном поселке, тряси погремушками, а когда дитя укачаешь — вари борщи.

Можно было бы, конечно, как в страшном сне любого мужчины, после свадьбы быстренько переродиться в стерву. Вытребовать домработницу, няню, кухарку, право мотаться по бутикам да салонам. Игорь, конечно, опешил бы. Но, наверно, смирился бы — как все мужчины.

Однако Леся все ж решила покуда не сбрасывать шкурку скромницы. Тем более что особого проку в сорока (а не пяти) парах обуви она не видела. Да и салоны красоты не слишком жаловала — что хорошего часами лежать без движения и терпеть, как тебе бесконечно гладят-парят-протирают лицо?!

Куда веселее, считала она, когда есть с кем время весело провести.

Кандидатура *компаньона* — на то время, пока Игорь на работе, — у Леси имелась. Колька, троюродный брат. Шутник, приколист, балагур, разгильдяй, обаятельный, беспечный и вообще самый лучший. Будь у нее поменьше здравого смысла, вообще бы замуж за него вышла (по закону, она узнавала, даже за двоюродных можно). Но только прекрасно видела: дурковать, веселить других и ее Колюня умеет прекрасно. А вот заработать денег, пусть на самое скромное бытие, братцу не дано. Повылетал со множества работ, причем однажды одновременно с увольнением даже прославился. В их районной газете статья вышла с броским заголовком: «ВОДИТЕЛЬ «КамАЗа» НАПОИЛ ЦЕЛЮЮ ДЕРЕВНЮ». Это о том, как

Колька ящики с водкой вез, задремал за рулем да в кювет свалился. Самому ничего, на машине пара вмятин, да и выпивка почти вся уцелела. Но водитель — нет бы принять меры к спасению товара! — беспрепятственно позволил аборигенам попасть на руинах. Беспечные — на месте угощались, предусмотрительные — грузили ящики на тачки да волокли домой.

Колю, конечно, уволили, пытались по суду ущерб взыскать — да что с него возьмешь? Собственностью, а паче того счетами в банке братик не обременен.

Но — в отличие от многих — чужому богатству не завидует. И за Лесю — когда удалось ей зацепиться за Москву, — искренне радовался, хвалил: «Молодец, что сумела свой норов усмирить. Я так не могу».

Сам он оставался в их городке, откровенно бедствовал — куда его возьмут, если ни хватки, ни образования, да еще и репутация соответствующая? Но не унывал. И продолжал прикалываться при каждом удобном случае. Например, когда совсем недолго грузчиком в продуктовом работал, подбросил в ящик с бананами безобидного ужа. Байки потом по всей области ходили — будто ядовитейшая змея черная мамба укусила покупательницу (та скончалась на месте) и уползла (змея, не тетка).

Лесина мать троюродного племянника осуждала: «Паяц он, и больше никто! Держись от него подальше».

Однако Леся на мнение родительницы всегда плевала с высоченной колокольни. Вот и решила

перетащить Колечку, свою отдушину, в столицу. Она ведь, в конце концов, жена богача! Имеет право хотя бы на единственного наемного работника.

С Колькой пришлось провести серьезнейший ликбез. Чтоб — когда будет собеседоваться с Игорем, — выглядел исполнительным, туповатым, скучным. Она купила братцу соответствующую одежду (а то с него станет явиться к работодателю в каких-нибудь рваных джинсах да кедах). Организовала трудовую книжку с «правильными» записями. Очень боялась, что Игорек на Колю службу безопасности натравит для тотальной проверки, но нет, обошлось.

Муженек безропотно принял Колю на должность шофера, эконома и «человека за все».

Леся — хотя рада была необычайно! — первое время вела себя осторожно, надменно. Колю, даже когда наедине, называла только на «вы», никаких прибауточек-шуточек, заваливала работой, придиралась. Настолько вошла в роль, что Игорь даже посоветовал:

— Ласточка, когда на тебя работают люди, нельзя слишком уж их прижимать. А то ведь взбунтоваться могут. Как в семнадцатом году.

Но Леся по-прежнему продолжала в присутствии мужа вести себя с экономом сдержанно, строго. Зато уж когда Игорь на работе был — вожжи отпускала. Баловались, дурака валяли, как дети. Коля — человек совершенно без тормозов! (В хорошем смысле, конечно.) То вызовет ее на бой подушками, то попросит пирушку «а-ля грузчик» (то есть порезать на газетке вареной колбаски, за-

кусить огурчиками из банки). Анекдоты травил — она животик надрывала.

Жизнь пошла совсем другая. Если б еще не беременность!

По счастью, Коля — хотя и не скрывал, что в Леся влюблен, — к Игорю ее не ревновал. И что ребенка она ждет от своего миллионера — воспринял нормально. Шутил: «Лучше уж олигархов плодить, чем таких, как я, раздолбаев».

Все его, казалось, устраивает в нынешней жизни и в нынешнем его положении.

Но Леся все равно иногда задумывалась: как было бы хорошо, если б нелюбимый Игорь куда-нибудь вдруг исчез, растворился... и она бы осталась с Колей — но при этом со всеми мужниными деньгами!

Только как это организовать? Если просто попросить развода, миллионер ни копейки не даст. У них брачный контракт, там условие: чтоб претендовать хоть на малую толику капитала, надо им вместе оттрубить пять лет, целый срок!

Убить? Жаль. Да и страшно. Смерть миллионера, конечно же, будут расследовать лучшие силы милиции, какое ни придумай идеальное преступление — расколют ее в два счета.

«Вот если бы он в аварию попал! Сам! — фантазировала Леся. — Или вдруг заболел, допустим, скоротечной саркомой, чтоб в никакой Германии помочь не смогли!..»

Однажды не выдержала: поделилась мыслями греховными с Колей. Ожидала, признаться, что тот — как на любую заданную ею тему — начнет дурковать. Фантазировать вместе с ней, как на

пути Игоря вырастает цунами или на его голову рушится пресловутый кирпич.

Но брат, против обыкновения, ответил серьезно:

— Леська, даже думать не смей о таких вещах!

— Почему? — надула губки она. Капризно добавила: — Он же достал меня выше крыши, неужели сам не видишь?!

— А я считаю, нормальный твой Игорь мужик, — пожал плечами Николай. — Платит хорошо, не достает, не зудит.

— То есть тебя все устраивает? — ошетинилась Леся. — Считаешь, это нормально, что я нелюбимого ублажаю, танцую вокруг него, кофе в постель подаю, а ты при нас — экономом?!

— Ты вчера и мне приносила кофе в постель! — ухмыльнувшись, напомнил Коля.

По-хозяйски обнял Лесю, примирительно сказал:

— Еще месяц назад, когда меня на работу Игорь взял, ты радовалась: как хорошо все у нас устроилось! Что сейчас-то изменилось?

— Да то, что я — в отличие от тебя! — *развиваюсь*. Ищу пути, чтоб еще лучше было!

— А я просто радуюсь каждому дню, когда ты со мной рядом, — спокойно ответил он. — Тоже неплохой вариант.

Поцеловал ее — жарко, страстно. У Леси аж внизу живота заныло (и младенец внутри завозился).

Она прильнула к любимому братику, отдалась силе его рук.

Может, и правда без разницы, что Колька — эконом, прислуга?

...Их неправильная — но такая приятная! — жизнь с двойным дном продолжала течь дальше.